

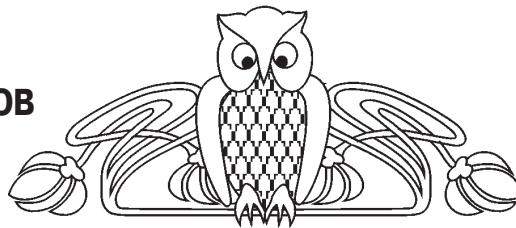

УДК 811.161.1'37

СЕМАНТИКА 'СОСТОЯНИЕ V. ДЕЙСТВИЕ' В СОДЕРЖАНИИ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

О. Ю. Авдевнина

Саратовский государственный университет
E-mail: rosauzb@gmail.com

Статья посвящена анализу значений глаголов восприятия, системность которых определяется противопоставлением в их содержании семантики состояния и действия (*видеть/смотреть, слышать/слушать* и т. п.). Оппозиция этих значений отражает двойственность языковых представлений о психологии человека: противопоставление человека «внутреннего» человеку «внешнему». Перцептивные процессы внутренние, ненаблюдаемые (состояния) противопоставляются процессам наблюдаемым, образительным (действиям). И те и другие имеют свою специфику как в средствах выражения, так и в художественном осмыслении. **Ключевые слова:** перцептивная семантика, состояние, действие, интроспекция, художественная концептуализация психологии восприятия.

Semantics of 'State vs. Action' in the Content of Perception Verbs

O. Yu. Avdevnina

The article deals with the analysis of the meaning of the perception verbs. Their consistency is determined by the contraposition of the semantics of state and action (*see/look, hear/listen*) in their content. The opposition of these meanings reflects the duality of the language perceptions of human psychology: the contraposition of an 'inner' person to an 'outward' one. Inner unobservable perceptive processes (states) are opposed to observable pictorial processes (actions). Both the former and the latter have their own peculiarities in the means of expression as well as in artistic understanding.

Key words: semantics of perception, state, action, introspection, artistic conceptualization of perception psychology.

1. Значения состояния и действия в характеристике глаголов восприятия

Перцептивные глаголы выделяются в качестве одной из групп в общей семантической классификации глаголов. Так, в делении глаголов на предикатные и модусные их относят к модусным (предикатные глаголы: каузативные, модальные, аспектуальные, темпоральные, таксисные, фазисные – и модусные: речи, мысли, памяти, знания, эмоций, ощущения, представления, **восприятия**, оценки)¹.

Исследователи отмечают размытость границ глагольного класса восприятия, так как перцептивный компонент входит в значения очень многих глаголов (*любоваться, созерцать, наблюдать, искать, внимать, мелькать, промелькнуть, маячить, торчать, белеть, заглохнуть, заглушить, блестеть* и т. д.), семантика которых предполагает Наблюдателя². Однако чтобы считаться глаголом

восприятия, он должен иметь перцептивный компонент в ядре семантической структуры. Глаголы же с семемами 'перемещение', 'движение', 'местонахождение', 'знание' и т. п. в качестве главных компонентов значения (типа *мелькать, маячить, торчать, замечать* и др.) могут быть отнесены к «примыкающим» глаголам восприятия³.

Основываясь на таком критерии различения ядерных и примыкающих глаголов восприятия, к ядерным следует отнести, по нашему мнению, во-первых, глаголы, обозначающие различные формы перцептивной чувствительности: зрение, слух, обоняние, осязание (*видеть, смотреть, глядеть, зреть, слышать, слушать, обонять, нюхать, осязать, щупать*), и во-вторых, глаголы с семантикой, универсальной в плане обозначения психологических процессов (*чувствовать, ощущать*).

На базе именно этих двух типов глаголов появляется множество предикатов, характеризующих предметы и явления с точки зрения их наблюдаемости или иной связи с ситуацией восприятия – прямой и метафорической: *видеться, виднеться, видно, видимый, невидимый, видный, невидный, смотреться, засматриваться, наглядеться, не наглядеться, ненаглядный, осязаемый, чувствоваться, чувствительный, ощущаемый, оцутимый* и т. п.

Рассмотренные в аспекте структуры ситуации восприятия, которую можно выразить в модели «субъект – перцептивный процесс – объект восприятия», ядерные глаголы определяются как субъектно ориентированные, так как они называют действия или состояния субъекта (в отличие от объектно ориентированных – характеризующих объект восприятия: *виднеться, слышаться*). Деление на субъектно и объектно ориентированные процессуальные характеристики – одно из направлений классификации предикатов восприятия. Влияние направленности на субъект или объект на грамматические и синтаксические свойства глаголов активно изучается в грамматических исследованиях категории восприятия⁴.

Другое направление – это классификация предикатов восприятия на основании критерия произвольности/непроизвольности, целенаправленности/нецеленаправленности перцептивного процесса⁵.

Так, выделяя в разных глаголах восприятия семы 'состояния', 'деятельности', 'действия',

'происшествия', 'свойства', Е. В. Падучева рассценивает их как таксономические категории – те параметры, на основании которых выделяются три типа перцептивных глаголов: глаголы «инертного состояния» (*я вижу X, я слышу X, я ощущаю X на вкус* и т. п.); глаголы деятельности (*я смотрю/гляжу на X, я слушаю X* и т. п.); глаголы с Наблюдателем, то есть экспериментом (субъектом восприятия. – О. А.) «за кадром»⁶ (*X выглядит хорошо, X звучит/слышится* и т. п.)⁷.

В качестве главного категориального противопоставления в классе глаголов восприятия Е. В. Падучева отмечает оппозицию «состояние/деятельность». К глаголам состояния, помимо *видеть, слышать, чувствовать, ощущать, чують, воспринимать*, она относит объектно ориентированные глаголы (в терминологии Е. В. Падучевой – глаголы «с Наблюдателем») типа *видеться, виднеться, слышаться, чувствоваться*, а также глаголы, обозначающие воображаемое восприятие (*привидеться, видаться, воображать, мерещиться, сниться* и т. п.)⁸.

Им противопоставлены «деятельности»: *вглядываться, вслушиваться, выслеживать, выслушивать, глядеть, смотреть, нюхать, шуршать, наблюдать* и т. п.; «занятия»: *следить* (за человеком с целью что-либо выяснить), *охранять, шпионить*; «действия обычные» (не протяженные во времени, в отличие от деятельностей): *высмотреть, обнюхать, приглядеться* и т. п.; «происшествия»: *заслонить, обнажиться, обозначиться* (*все резче обозначаются морщины*), *ослепить, открыться* (*отсюда открывается вид на озеро*); «свойства»: *выглядеть, впечатлять* и т. п.⁹

Состояние и происшествие, приходит к выводу Е. В. Падучева, являются теми значениями, которые определяют семантическое своеобразие, грамматические свойства и сочетаемость перцептивов и объясняют свойственную им видовую непарность. На наш взгляд, эти значения являются также те аспекты языковых представлений о человеке, его психической жизни, которые становятся полными языковой антропологии, формирующейся в области семантики перцептивных глаголов.

Однако в классе ядерных глаголов восприятия мы считаем важным несколько иное противопоставление: не «состояние v. происшествие или деятельность», а «состояние v. действие». Именно эта оппозиция, во-первых, соответствует семантическому противопоставлению произвольности/непроизвольности восприятия – очень важного семантического модуса содержания глаголов данного класса, и во-вторых, позволяет исключить из анализа психологических аспектов семантики этих глаголов вторичные их значения: социальные и онтологические аспекты, ведь «происшествия» и «деятельности» – это процессы, характеризующие не столько психологию восприятия (внутреннее бытие человека), сколько языковые представления о внешнем мире (онтологический

аспект) или взаимодействие человека с другими людьми, обществом и т. д. (социальный аспект семантики восприятия).

2. Концептуализация состояния в семантике перцептивных глаголов

В языковой категоризации процесса восприятия глаголы перцептивного состояния и действия образуют своеобразные пары: *видеть/смотреть (глядеть), обонять/нюхать* и т. п., что уже свидетельствует о том, что язык по-разному концептуализирует ситуацию непроизвольного восприятия и ситуацию активной перцепции, характеризующейся участием в восприятии направленного внимания, интереса, воли субъекта.

Даже поверхностный взгляд на этот класс ядерных перцептивных глаголов позволяет заметить, что глаголы состояния количественно преобладают над глаголами действия. Так, помимо глаголов, обозначающих процессы по формам чувствительности (*видеть, слышать, обонять, осознать*), выделяются также глаголы с универсальной семантикой: *чувствоваться, ощущать*, способные репрезентировать как отдельные виды перцепции (*чувствовать вкус, ощущать запах* и т. п.), так и их ассоциации, включающие, помимо перцептивных впечатлений, разные процессы, связанные с состоянием человека (*чувствовать холод, жалость* и т. д.).

Как утверждают психологи, состояния порождаются «бытийной значимостью» психических свойств человека, «упорядочиванием абсолютных переживаний»¹⁰. На синтетичность состояния, многообразие объединяемых в нем психических процессов указывает само его определение как эмпирического единства потока психологических переживаний, взаимосвязи «бесплотного» (духа, души) и «бездушного» (тела, плоти)¹¹.

Количественным преобладанием отличаются и оттенки семантики состояния. Это перцептивные впечатления, внутренние ощущения – физические и психологические, эмоции, рефлексия на воздействие внешнего объекта (предмета, явления, другого человека), психологическая реакция на контакт с внешним миром. Этот калейдоскоп впечатлений и ощущений требует для их языковой репрезентации большого числа и разнообразия средств, что проявляется количественно во множественности глаголов состояния и их полисемии, сравнительно с глаголами перцептивного действия, и качественно – в разнонаправленности семантического развития этой группы лексики.

Специфика глаголов перцептивного состояния, в сравнении с глаголами перцептивного действия, заключается во множественности и разнообразии их значений, как системных словарных, так и развивающихся в процессе их функционирования в речи (мы анализируем их лексическую сочетаемость в поэтическом тексте¹²).

Сравнение сочетаемости и иных условий функционирования глаголов перцептивного состояния с глаголами перцептивного действия позволило нам выделить некоторые параметры различения этих двух аспектов перцептивного процесса: восприятия как *состояния* и восприятия как *действия*.

К параметрам семантики состояния могут быть отнесены следующие:

1) интроспективность, то есть такая особенность семантики, которая связана с тем, что значение порождается процессом психологического самоанализа, направленности познавательного внимания субъекта на самого себя, на свои впечатления и ощущения (Я → Я); интроспекция в этом случае – это языковая форма самоотчета, свидетельствования субъекта об испытываемом им состоянии (интроспекция в психологии – это отчет испытуемого о переживаемых им ощущениях в ходе психологического эксперимента);

2) параметр субъекта – преобладание сочетаемости с я-субъектом в силу все той же интроспективности значения, ведь о состоянии может свидетельствовать только сам субъект и, главным образом, в момент переживания этого состояния, по дейктической модели «я – здесь – сейчас»;

3) актуализация семантики внутреннего происхождения процесса, основанная на использовании соответствующих средств выражения локализации процессов в субъекте (*во мне, в себе, в сердце, в моей душе* и т. п.);

4) связь состояния с другими его видами: физическим, эмоциональным, пространственной чувствительностью, интуицией и т. п.;

5) скрытый, ненаблюдаемый характер обозначаемого процесса, актуализация непроизвольности и нецеленаправленности состояния.

В данной статье мы остановимся только на некоторых из этих параметров семантики состояния.

Так, представления об интроспективности, внутреннем характере состояния, внутреннем его источнике и одновременно о связи восприятия с другими видами состояния, например эмоциями, выражаются в активном сочетании глаголов перцептивного состояния с названиями внутренних органов, прежде всего тех из них, которые традиционно считаются центрами эмоциональной чувствительности, духовной жизни человека, – со словами *сердце, грудь, душа, дух, кровь*. Этой сочетаемостью отмечены почти все ядерные глаголы состояния (кроме *видеть* и *обонять*).

Слово *сердце* выступает при этом как:

1) метафорический субъект состояния – с глаголами *слышать, чувствовать, ощущать*: *Ни слова друг другу мы с нею сказать не успели, Но слышало сердце, как был зачарован мой слух* (К. Бальмонт. Песня араба); *Веселый дождь, источник нежных снов, Твой зов к забвенью сердце слышит* (К. Бальмонт. Веселый дождь: «Веселый дождь низлился с высоты...»); *В искрах к небу*

брызжет пена, Сердце чувствует полней; Други, братья, – на колена! (Ф. Тютчев. Песнь Радости (Из Шиллера)); *Сердце ощущает, Что нет к сопротивленью сил; Копье меня не защищает, И все щит имею сей, – Этому оный не препона* (И. Богданович. Ода из Анакреонта XIV) и т. п.;

2) инструмент ощущения (инструментальная семантика типична для репрезентации восприятия: воспринимать *чем*) – с глаголами *слышать, осязать, чувствовать*: *Он весел, он поет, и песня так вольна, Так брызжет звуками как вешняя волна, И все в ней радостью восторженною дышит, И всякий верит ей, кто песню сердцем слышит* (Л. Мей. «Он весел, он поет, и песня так вольна...»); *Я сердцем осязаю Его присутствие во мне: Он в Истине, я уверяю, Он совесть – внутрь, Он правда – вне* (Г. Державин. Истина) и т. п.;

3) своеобразное место локализации чувств (*слышать, чувствовать, ощущать* где? в чем?): *И в простоте первоначальной, Что слышал в сердце молодым, Творил доверчиво резцом Он в красоте монументальной...* (А. Майков. Скульптору); *И в душу прольется мне светлая радость, И смело на образ тогда я взгляну, И, чувствуя в сердце какую-то сладость, На ложе я лягу и крепко засну* (И. Никитин. Сладость молитвы); *С тех пор очей не осушала, И в сердце ад я ощущала, Оставшись в горестной стране...* (М. Попов. «В часы разлуки нашей строги...») и т. п.

Как видим, контексты обозначают эмоциональное состояние человека, но перцептивный компонент во многих случаях все же сохраняется. Так, в сочетаниях со словом *сердце* глагола *слышать* он вычленяется благодаря представлениям о биомеханике работы этого физиологического органа – биении сердца, ощущение которого сродни слуховой перцепции, хотя биение сердца и не выражается в звуках, доступных человеческому слуху. В сильном волнении человек испытывает сильное сердцебиение, слышит стук сердца: *Помню, я слышала только, как сердце в груди моей билось...* (А. Майков. Поэт и цветочница). Биение сердца – это внутреннее ощущение, и следовательно, в концептуализации слухового восприятия посредством глагола *слышать* актуализируется семантика внутренних, физиологически обусловленных состояний, не зависящих от воли человека.

Можно предположить, что в значении, возникающем в результате сочетаний глагола *слышать* со словом *сердце*, конкурируют два смысловых компонента: перцептивный метафорический 'воспринимать, ощущать стук сердца' и эмоционально-психологический 'испытывать эмоциональное состояние, чувствовать, сопереживать, волноваться' и т. п.

Такие же семантические функции, как и слово *сердце* (субъект, инструмент, место), приобретает в сочетаниях с глаголами восприятия и слово *душа*: *Ужель душа не слышит В тебе желания любви?* (М. Лермонтов. Гусар); *Я слышу ясно, как тихонько В душе моей, сквозь их покой, Родится*

в чувстве уваженья Хороших чувств счастливый строй... (К. Случевский. Песни из уголка); *Душа* *впадает в забытье, И чувствует она, Что вот уносит и ее Всесильная волна* (Ф. Тютчев. Успокоение); *Божия святая благодать Мне говорит наземными словами: «Кто, внешностью запутан и объят, Не устремлял родного чувства взгляд В далекий край, разверстый перед вами, В сияние безвечерного дня, Тому душой не осязать меня, И не постичь небесных откровений, И светом их себя не разогреть!..»* (В. Соколовский. Из драматической поэмы «Хеверь»); *И блеск убийственных очей, Лишь осязаемый душевно, – Лучи пощады и мечей Под бровью, сдвинутой безгневно* (В. Иванов. Видение); *Тяжелая поступь живых, Пред глубиью меняясь, слабеет, Радение сил неземных Незримо, но явно реет. Душа ощущает: «Тону», Глаза удивляются взору. И я предаю тишину Запевшему в вечности хору* (К. Бальмонт. Зеркало) и т. п.

Такой нематериальный феномен, как душа, концептуализируется в подобных употреблениях в качестве своеобразного духовного органа, по механике функционирования близкого к органам физиологическим. Как и физиологическому органу, душе приписываются конкретные ощущения (холод, уколы, пространственная близость и т. п.): *Бывало, в детстве молишься порой, И вдруг, о чем молился, позабудешь, Лишь чувствуешь младенческой душой, Что близко Бог, что Боженька с тобой, Вот тут, сейчас, и если добрым будешь, Он не уйдет: так и теперь – в моей Душе покой и счастье детских дней...* (Д. Мережковский. Вера); *И я, какой-то невеселый, Томлюсь и падаю в глуши – Как будто чувствую уколы И холод в тайниках души...* (О. Мандельштам. «Стрекозы быстрыми кругами...») и т. п.

Этот параллелизм представлений о душе и о физиологических органах проявляется в сходстве условий функционирования слова *душа* и таких слов, как *грудь* и *кровь*, – в тождественности условий их сочетания с перцептивными глаголами.

Употребления со словами *грудь* и *кровь*, как и сочетания со словами *сердце*, *душа*, выступая в позициях метафорического субъекта и места локализации чувства, тоже обозначают, в основном, эмоции. Но их функционирование в контексте репрезентации психологических ощущений имеет свою специфику, которая состоит в том, что они маркируют тесную связь эмоций с физиологией человека, эмоциональную обусловленность физических ощущений:

На свете уж ничто меня не утешает, Всечасно грудь моя мученье ощущает (А. Ржевский. «На то ли осудил мне рок тебя любить...»); *Когда я одинок и погружен в молчанье, Когда чуждая речь давно мне не слышна, Я чувствую в груди немое трепетанье, И близким прошлым полнится она* (А. Блок. «Когда я одинок и погружен в молчанье...») и т. п.;

Отец любви, Огня-зизждителя струю, Струю священную твою Я чувствовал в своей

крови, Страдал я, мыслил и любил – Довольно... (А. Григорьев. Предсмертная исповедь); *Три дня – как три тяжелых года! Он чувствовал, как стынет кровь... Людская пошлость?* (А. Блок. Возмездие) и т. п.

В целом сочетания со словами *сердце*, *грудь*, *душа*, *дух*, *кровь* имплицитно не только связывают перцептивных состояний с эмоциями, но и внутренний характер протекания этих процессов. Неслучайно такой сочетаемостью отмечены практически все анализируемые глаголы перцептивного состояния.

Употребление этих слов в качестве обозначения метафорического субъекта в данных сочетаниях имплицитно, кроме того, еще и семантику произвольности процесса. Произвольность состояния понимается как неопределенность его источника и причины, стихийность процесса и невозможность подчинить его воле человека: *не я слышу, чувствую* и т. п., а *сердце слышит, чувствует, грудь ощущает* и т. п.

Сочетания со словами *сердце* и *грудь* отличаются регулярностью и высокой частотностью в поэтическом тексте: с этими словами сочетаются почти все перцептивные глаголы, даже *осязать*. Это свидетельствует, по нашему мнению, о том, что, во-первых, именно сердце, грудь мыслятся в языковой модели человеческой психики как место расположения души и центр возникновения эмоций, а, во-вторых, о том, что язык проецирует явления духовного порядка на явления материальной физиологической природы, ищет материальной и физиологической конкретности в протекании психологических процессов, потому что только такая конкретность позволяет адекватно репрезентировать в речи явления внутренние, ненаблюдаемые, индивидуальные для каждого человека.

Несколько меньшей степенью конкретности и физиологичности, но большей прозрачностью связи с собой 'внутреннее' отличаются сочетания перцептивных глаголов с местоимениями *во мне*, *в себе*, характерные для глаголов *чувствовать*, *ощущать*:

Я чувствую, во мне какой-то отзвук спит; Он разуму смешон, как детское мечтанье, Как сказочных времен неясное преданье... (П. Бутурлин. Отзвуки); *Исчез обман последний, Который вечным мне казался – он исчез, И чувствую глубоко, что во мне Не только все надежды Соблазнов дорогих, Но и желанья самые потухли* (Д. Мережковский. Самому себе: «Теперь ты успокойсь навеки...»);

Я начал чувствовать в себе тот мир, Который, всю объемля душу, в ней Покорного терпенья тишину Неизлаголанную водворяет (В. Жуковский. Странствующий жид); *Давно, давно в себе я ощущал Невнятное, нагорнее призванье Создать святой величья идеал!* (Н. Сатин. Умиравший художник); *Грации ужалить руку В гневе свойственно тебе, – Сафо стрел любовных муку*

Ощущала лишь в себе (В. Капнист. Стихи на изображение Сафы на антике в перстне) и т. п.

Не случайны сами типы местоимения и их грамматическая форма. Так, личное местоимение 1-го лица (*во мне*) указывает не только на говорящего, но, в случае сочетания с перцептивным глаголом, и на совпадение в одном лице говорящего (субъекта речи) с субъектом восприятия (*я вижу, я чувствую*), что является главным маркером интроспективности значения.

Возвратное же местоимение (*в себе*) тоже имеет субъектное значение: наряду с прямым обозначением субъекта, оно указывает на субъекта того или иного действия (*он построил себе дом – он и себе* обозначают одного и того же человека – субъекта действия), а значит, в репрезентации восприятия это местоимение тоже обозначает субъекта психологического процесса.

Грамматическая форма этих местоимений (предложный падеж с предлогом *в*) маркирует представления о пространственных координатах внутренних психологических процессов. В языковой модели этих процессов человек, человеческое тело, концептуализируется как некоеместилище ощущений, впечатлений, различных форм внутренней, индивидуальной жизни. В этомместилище выделяются внутренняя и поверхностная части. В процессе восприятия задействована и та, и другая: состояние может быть стимулировано внутренними причинами, иметь внутренние источники, не проявляться на поверхности, а может детерминироваться воздействием на поверхностную часть внешних объектов: *я чувствую в себе силы* – внутренние процессы, *я с трепетом ощущаю на себе его влюбленный взгляд* – воздействие внешнего объекта, вызывающее изменение внутреннего состояния (*с трепетом*).

Для репрезентации внутренне детерминированных процессов необходимы такие маркеры, как обстоятельственные пространственные формы с семантической локализации ощущений в организме человека: не только *в сердце, в груди, в крови, во мне, в себе* и т. п., о которых говорилось выше, но и типа *в руке, в ноге, в теле, в голове* и т. п., с которыми тоже достаточно активно сочетаются глаголы восприятия, главным образом, *слышать, чувствовать, ощущать*.

Одним из главных семантических и грамматических параметров формирования семантики состояния мы считаем реализацию субъектной валентности: глагол состояния тяготеет к сочетанию с я-субъектом, глагол действия – с не я-субъектом. Так, глаголы *видеть* и *слышать* в сочетании с местоимениями *я, мы* или в форме 1-го лица, или в других формах с я-субъектом (краткое причастие: *мне виден*), инфинитив с я-субъектом (*страшно видеть мне*...) – это подавляющая часть из более чем 1500 проанализированных нами употреблений каждого из этих глаголов в поэтических текстах. Отнесенность процесса к я-субъекту реализуется разными средствами:

я вижу, я слышу (глагол настоящего времени с местоимением *я*) – *Всё мне кажется, детски застенчивый взор Загорается вдруг не напрасно, И ко мне наклоненный твой пышный пробор Я уж вижу не слишком ли ясно?* (А. Фет. «Через тесную улицу здесь, в высоте...»); *На озере, в веселый летний полдень, Я слышу женский смех, далекий крик и плеск, В бору за озером аукается кто-то...* (И. Бунин. На озере);

вижу, слышу (без местоимения) – *Вдруг сзади крик – и вижу: сзади Несется с гулом, полный кледи, На дышле с фонарем, дормез; Едва метнулась я к ограде, Как он, мелькнув, уже исчез* (И. Бунин. Миньона); *Целый день в тоске бесменной Вижу, стоя у скалы, Как, бурля, вскипают пеной Черно-синие валы* (С. Соловьев. Ифигения в Тавриде); *Вдруг просыпаюсь: слышу, шепот, – И слабый крик, – и конский топот...* (М. Лермонтов. Хаджи Абрек); *К пальмам и кактусам взор устремляя, Слышу вдали океана прибой, Бег антилопы и крик попугая* (Б. Садовской. «Жизни твоей восхитительный сон...»);

я видел (глагол прошедшего времени с местоимением *я*) – *Близ нивы беседовал сам я с собою И видел в колосьях намек, И рифмою чудился мне голубую Среди желтизны василек* (К. Бальмонт. Заветная рифма); *Дремало все в глухой тиши полудня, И видел я, как там, средь облачных кадил, Где солнце пламенной, где листья изумрудней, Белеет ангел Рафаил* (С. Соловьев. Dahin! Dahin! «Ты помнишь край! Из родины враждебной...»); *Я слышал много водопадов Различных сил и вышины, Рев медных труб в калмыцкой степи, В Байдарах – тихий звук зурны.* (К. Случевский. Песни из уголка);

видеть, слышать в безличном предложении с семантическим я-субъектом – *Не впервой мне, месяц, видеть, Что окно ее высоко, Что краснеет там лампадка За шелковой занавеской* (И. Бунин. «Что ты мутный, светел-месяц?...»); *«Земное слово “друг” мне слышать мило, – Сказал подземник* (З. Гиппиус. «Вот новый Дант в последний Круг пробрался...») и т. п.

Особую роль в репрезентации состояний выполняют формы настоящего времени предикатов восприятия, ведь именно эта временная форма маркирует синхронность состояния и речи. Естественно, в поэтическом тексте, как и вообще в художественном произведении, это или моделируемая синхронность, или даже типичные для поэзии вневременные обобщения состояний: *Красиво в неземном отыскивать земное И видеть, что земной мой сельский белый дом Восходит к небесам в пространство голубое* (К. Бальмонт. Я: «В мои глаза вошли поля, моря, леса...») – не сейчас, не в настоящий момент, а вообще, в разные моменты жизни, на разных этапах контакта с миром, процесса его познания.

В глаголах *видеть* и *слышать* непроизвольность состояния проявляется грамматически. Так, эти глаголы не имеют формы повелительного на-

клонения, что закономерно для состояния, ведь оно не подчиняется волеизъявлению, тем более другого лица, а именно в этом волеизъявлении заключается значение императивной формы. Правда, в отличие от *видеть*, у которого этой формы нет совсем, глагол *слышать* образует ее в совершенном виде: *услышь*.

Отсутствие этой формы у глагола несовершенного вида компенсируется контекстуально. Так, в случае с *видеть* средством этой компенсации выступает форма *смотри!* или вопросительная форма *видишь?* У глагола *слышать* средством волеизъявления, направленного на восприятие другого лица, становится форма *слышишь?* (реже – *слышите?*): *Белая нимфа – под вербой печальной Смотрит в заросший кувшинками пруд. Слышишь? Повеяло музыкой дальней... Это фиалки цветут.* (М. Лохвицкая. «Белая нимфа – под вербой печальной...»); «*Чу, – шепчешь, – Где-то пенье... Чу, – праздник – слышишь? – где-то.*» (В. Иванов. «Дремоты с явью зыбкой...»); *Слышишь – залпы из орудий? Так встречаются мой прилет, Жалкий скарб свой тащат люди, Наводнение все растет* (Т. Щепкина-Куперник. Сон зимней ночи) и т. п. Специфика волеизъявления в данном случае состоит в стимулировании внимания собеседника, мобилизации этого внимания в нужном направлении в процессе восприятия, в приглашении к совместному восприятию с целью вызвать сходные психологические переживания.

Как видим, семантика состояния во многом определяет семантическую сочетаемость и грамматические характеристики глаголов восприятия. Однако в немалой степени она обуславливает и особенности художественного осмысления перцептивного процесса. Во-первых, поэтический текст активно развивает языковые представления о связи духовного и телесного (физиологического) механизмов возникновения и проявления состояния. Именно этим единством обусловлено формирование семантической зоны чувственного в структуре лирического произведения. Во-вторых, перцептивные состояния как восприятия произвольные, нецеленаправленные неизменно связываются в поэтическом тексте с эмоциями, состоянием эмоциональным, что позволяет выразить их взаимообусловленность во внутреннем мире человека.

3. Концептуализация действия в семантике перцептивных глаголов

К параметрам перцептивного действия отнесем следующие аспекты семантики:

1) наблюдаемость обозначаемого процесса, проявляющаяся в наличии внешних признаков действия (местоположение субъекта, выражение его лица, интенсивность, способ действия и т. п.);

2) параметр субъекта – для репрезентации восприятия как действия характерны два субъекта:

эксплицитный – субъект данного действия (чаще всего это не я-субъект) и имплицитный – тот, кто наблюдает данное действие и обозначает его в речи;

3) изобразительная функция перцептивного действия, проявляющаяся в соответствующих содержательных типах контекста его функционирования (портретное описание, изображение поведения и т. п.);

4) связь с другими характеристическими действиями, что проявляется в употреблении глаголов перцептивного действия в одном ряду с глаголами, обозначающими жесты, движения, мимику и т. п. (например, характеристика человека: *Не видно в нем самосознания; Он только внешность сознает: С сознанием чина, места, званья Он смотрит, ходит, ест и пьет* (В. Бенедиктов. Все люди));

5) актуализация семантики произвольности процесса, проявляющейся в обозначении намерения, желания, цели действия, его причины, места и роли перцепции в общем познавательном процессе.

Главным отличием действия от состояния в зоне репрезентации процесса восприятия мы считаем не столько его произвольность и целенаправленность действия, сколько наблюдаемость. Эта характеристика особенно ярко проявляется в глаголах, обозначающих процессы, механизм протекания которых обусловлен действием внешних органов: глаз (*смотреть, глядеть*), рук (*цупать*), носа (*нюхать*). Причем иногда важны не столько какие-то характерные движения органов чувствительности, сколько мимика (*нюхать*) или общее выражение лица, например, его сосредоточенность взгляда, неподвижность черт лица в процессе, обозначаемом глаголом *слушать*.

Семантика наблюдаемости действия особенно активно продуцируется в процессе поэтического моделирования зрительного восприятия. Так, глагол *смотреть* в сочетании с субъектом, противопоставленным говорящему (не я-субъект), развивает значение 'иметь такой-то взгляд, выражение глаз': *Увидал султан, каков есть Марко, Потихоньку стал отодвигаться, – А за ним и Марко, и всё смотрит, Смотрит так, что дрожь берет султана* (А. Майков. Сабля царя Вукашина). Мы имеем дело с наложением одного восприятия на другое. В ситуации *увидал султан* восприятие имеет содержание – это *Марко*, его действия, его внешний облик; в ситуации *смотрит Марко* содержание восприятия не важно, акт «смотрения» – это выражение глаз, элемент поведения, деталь портрета *Марко* – субъекта по глаголу *смотреть*.

Помимо наложения восприятий, возникает и наложение оценки на восприятие, субъективных компонентов значения на объективное содержание восприятия: *султан* оценивает взгляд *Марко* как грозный, пугающий. В связи с возникновением оценочного компонента в глаголе наблюдаемой

перцепции уместно упомянуть о том свойстве антропоцентрических глаголов, которое выделял А. В. Кравченко: регулярности развития в них значения субъективной оценки, и особенно в тех из них, которые обозначают действия (в противоположность состоянию). Он приводит в пример глаголы типа *швырнуть*, *толкнуть*, *дернуть* и т. п., в семантику которых, помимо обозначения объективного способа перемещения, входит также субъективная оценка манеры осуществления действия субъектом, то есть задается признак, присущий субъекту, но не самому действию – это и есть характерологическая функция глагола¹³. Любое действие зримо, «видимо», в отличие от внутреннего состояния человека, скрытого от посторонних глаз. И все видимое, подверженное вербализации, описанию средствами языка, может развивать значение признака наблюдаемого объекта – субъекта данного действия, и значение оценки этого признака.

Изобразительно-описательная природа глагола *смотреть* (равно как и *глядеть*) проявляется в контекстах, помещающих обозначаемое им действие в ряд других поведенческих признаков и характеристик человека: *Не отвечая на вопрос, Смотрел он долго в пол, Потом в раздумьи произнес: «До завтра» – и ушел...* (Н. Некрасов. Княгиня Трубецкая); *А мы сидели – Мой друг и я. Смотрели. Свет мешался От лампы меркнувшей с рассветным светом, И на лице ее, на платье желтом Играло отраженьи чуть заметно От милого цветущего растения, Которым был украшен стол* (А. Скалдин. «Не знаю, как назвать: заказ, или просьба...»); *Прибежали боги, смотрят, кличут, Трогают то Бальдура, то Нанну – Оба мертвы!* (А. Майков. Бальдур) и т. п.

Характер поведения человека передается последовательностью ряда действий, в который включено и бессодержательное восприятие (в данных примерах при глаголе *смотреть* нет зависимого объекта, то есть не обозначено, что видит субъект). Например, странность героя выражается в ряде действий: *смотрел, в раздумьи произнес и ушел*, беспокойство – *прибежали, смотрят, кличут, трогают* и т. п.

Та же изобразительность характерна и для глагола *слушать*: *Люди подбежали, подняли ту, что сидела с белыми губами. Она очнулась, слушает, глядит, смеется: «Ах, вдруг точно уснула я, и что-то снилось мне, что – не знаю...»* (З. Гиппиус. Три сына – три сердца); *Он даже мне не возражал, Он только слушал, как всегда спокоен, И тем еще сильнее раздражал* (З. Гиппиус. «Вот новый Дант в последний Круг пробрался...») и т. п. В одном ряду расположены разные действия, характеризующие, изображающие человека: положение тела (*сидела*), речь (*не возражал*), перцептивные действия (*глядит*), проявление настроения (*смеется*), оценка (*раздражал*) и т. д.

К регулярно используемым в поэтическом тексте комплексам внешних черт и характеристик

поведения человека, обозначаемым с помощью глаголов наблюдаемого действия, можно отнести сочетание зрительного и слухового восприятия с положением тела (*стоит и смотрит, стоит и слушает, сидит и смотрит, лежал и смотрел* и т. п.) и с речевыми действиями, чаще всего бездействием – с молчанием (*смотрит и молчит, молча слушает, смотрит, не говоря ни слова, безмолвно слушает* и т. п.). Изобразительная и характеристическая функция таких употреблений не вызывает сомнения, ведь, несмотря на то что в них используется глагол, обозначающий психологический процесс (*смотреть, слушать*), они не выражают того, что ощущает субъект действия, а изображают, как он выглядит в момент этого действия, какое впечатление производит на наблюдателя (скрытого субъекта восприятия – см. выше).

В художественном тексте этот изобразительный потенциал глаголов перцептивного действия может дополняться оценочной направленностью описания внешности. Например, глаголы *нюхать, щупать* используются часто для создания сатирических образов: *Но вредных демонов уже нарушен сон: С зевотой деловой спешат со всех сторон Крылатые толпы, – тревожно суетятся, Шныряют, нюхают, под окнами стучатся...* (П. Якубович. Сумерки); *Куря и нюхая, потея и вздыхая, Вечерней трапезы уныло поджидая, То в карты глянешь ты зазорным игрокам, То Петербург ругнешь – за что, не зная сам – И повлекут домой две клячи холостягу – Домой, где всюду пыль, нечистота и мрак И ходит между книг хозяином прусак* (Н. Некрасов. Послание к Лонгинову); *За прилавком щупает червонцы Человек, – и все они пьяны* (О. Мандельштам. Золотой) и т. п.

Для проявления параметра наблюдаемости действия характерно указание на выражение лица и/или общее настроение, сопровождающее это действие. Например, зрительное восприятие передает признаки настроения или психологического состояния, проявляющегося во внешнем облике, а значит наблюдаемого со стороны: *Встрепан, бледен, смотрит дико, Волос в беспорядке, – Сам трясется весь... поди-ка: Верно в лихорадке!* (В. Бенедиктов. Грустная песня); *С невеселой думой Смотрят исподлобья злобно и угрюмо* (А. Апухтин. Божий мир); *Он, не питая свое вдохновенье, Не согревая мечты, Смотрит на небо в волнении жадном, Ищет луны золотой...* (А. Апухтин. Петербургская ночь); *И чужие стояли кругом, – На меня с сожаленьем смотрели они, А когда меня к ней на руках поднесли, Я рыдала, не зная о чем* (А. Апухтин. Сиротка); *Над черным сумраком ущелья, Над острьями грозных скал Ты смотришь, полная веселья, На пенно-изумрудный вал.* (С. Соловьев. «Над черным сумраком ущелья...»); *Бледна, как он, и столько же худая Стояла возле женщина, рыдая; И дети нищие на мертвеца Смотрели с детской глупостью лица*

(Н. Огарев. *Fatum*: «Вхожу я в церковь – там стоят два гроба...»); *Каким смотрел он злобным взглядом, Как полон был смертельным ядом Вражды, не знающей конца, – И веяло могильным хладом От неподвижного лица* (М. Лермонтов. Демон) и т. п.

Средствами выражения эмоций, проявляющихся во внешнем облике человека (субъекта по глаголу *смотреть*), служат наречия (*исподлобья, дико, грустно, злобно, угрюмо*), обстоятельственные формы существительных (*в волнении, с сожалением, с участием* и т. п.).

Такие употребления семантически синкретичны, так как в них сочетается обстоятельственная и определительная семантика: *дети смотрели (как?) с детской глупостью лица* или иначе: *дети (какие?) с глупыми лицами*. Обстоятельное значение способа восприятия (как?) является в данных сочетаниях структурно обусловленным, отчасти формальным: оно детерминировано синтаксической зависимостью наречий и падежных форм имени от глагола, проявляющейся в обстоятельственной семантике 'как?', типичной, например, для выражения способа действия. Но семантически в таких сочетаниях нет значения способа (ср. возможное обозначение способа восприятия: *смотреть через окно, в бинокль, одним глазом, сквозь прикрытые веки* и т. п.). Употребления типа *смотреть грустно* или *с грустью* служат не обозначению способа, а изображению субъекта восприятия, передаче его настроения или общего психологического состояния, а потому приобретают признаковую, определительную направленность.

Особый интерес представляют собой инструментальные формы со словами *глаза, взгляд*: *смотреть как? веселыми глазами, живыми глазами, любопытным взглядом, тяжелым взглядом* и т. п. В формах творительного падежа, для которых типична инструментальная семантика, нейтрализуется значение способа и развивается признаковая семантика: *он смотрел веселым взглядом = он смотрел, и взгляд у него был веселый; он был веселый*.

К актуализаторам семантики произвольности действия можно отнести модальные средства – слова, обозначающие намерения, желание, нежелание, возможность, невозможность, инхотивность, финитивность и т. п.: *хочу слушать, не хочу слушать, стану слушать (буду слушать), невозможно слушать, люблю слушать, хватит слушать* и т. п. Значения намерения, фазисности, планируемой возможности и т. п., составляющие комплекс основных модальных значений, могут предшествовать, главным образом, действиям, а не состояниям, так как именно действия пронизаны волей субъекта, состояния же спонтанны и непредсказуемы.

Сочетаниями с модальными средствами отмечены практически все ядерные глаголы перцептивного действия, например, глагол *слушать*:

Я бы хотел, обратившись на время в печатную книгу, В книгу хорошую, полную силы и смысла живого, Слиться с народом; себя позабыв, утонуть в нем, стереться, Слушать удары тяжелого пульса общественной жизни, Видеть во всей наготе убеждения каст и сословий; Выведать нужды одних, утешать их во время движения... (М. Михайлов. К польке-матери); Коль не желаешь слушать – так не слушай, Закрой свои всеслышащие уши, Но правды не сказать я не могу (З. Гиппиус. «Вскипают волны тошноты нездешней...»); Могу там слушать вас, дыханьем упиваться, И будете ли вы отгадывать, смеяться – Мне меньше нравиться не может образ ваш. (А. Апухтин. Нине); Любил я слушать звонкий лепет Вблизи бегущего ручья, Жужжанье мошки, листьев трепет И вздох далекий соловья (С. Дуров. «Иные дни – мечты иные...»); И весь день, в траве высокой Лежа, слушать бы я рад, Как заботливые пчелы Вкруг черемухи жужжат (А. Плещеев. Мой садик) и т. п.

На произвольность процессов перцептивного действия указывает и возможность образования форм повелительного наклонения. Образованная от глаголов *смотреть* и *слушать*, она достаточно активно функционирует в поэтическом тексте и становится одним из самых ярких средств выражения таких параметров лирического смысла, как субъективность, диалогичность и риторическая обусловленность речи (ее адресованность читателю).

Противопоставление «состояние vs. действие» определяет системность группы ядерных глаголов восприятия. Глаголы, составляющие пары в рамках этого противопоставления, чаще всего называют соотносительные процессы. Это проявляется, в частности, в их парном синтаксическом употреблении с союзом *и*. Так, сочетание *смотреть и видеть* обозначает смежные процессы, например, направление взгляда и содержание восприятия (*смотреть в небо и видеть птиц*), действие и его результат (*смотреть на небо и видеть его чистоту и бесконечность*) и т. п. Со соседство этих глаголов в одном контексте является маркером психологической соотносительности процессов, которые они обозначают¹⁴.

Как это нередко наблюдается в языковой номинации явлений действительности, между зонами репрезентации восприятия как состояния и восприятия как действия нет непроходимых границ. Глаголы перцептивного действия часто обозначают перцептивное состояние (*всю ночь сквозь сон я слушал шум дождя*) в случаях, если употребляются, например, с актуализаторами длительности (*всю ночь*), произвольности процесса (*сквозь сон*) или с объектом, не требующим аналитического внимания, целенаправленного восприятия (*шум дождя*).

Несколько реже и глаголы состояния могут переходить в зону обозначения перцептивного действия. Такие переходы маркируются обычно

средствами выражения цели восприятия, активности процесса и т. п. (например, глагол *осязать* часто выступает в качестве нейтрального средства обозначения произвольного осязания на месте глагола *щупать*, который интерпретируется как средство стилистически сниженное).

Таким образом, в языковой и поэтической интерпретации процессов восприятия человеческая психология предстает как единство и противопоставление души и тела, внутренних ощущений человека и ощущений, обусловленных контактом с внешним миром, физических ощущений и эмоций, как комплекс разных форм чувствительности и т. д.

Специфика функционирования данных глаголов в поэтическом тексте состоит, главным образом, в закреплении за ними определенных художественных функций: интроспективной функции – за глаголами состояния, и образительной, характеристической – за глаголами перцептивного действия. И те и другие функции входят в круг задач формирования психологизма как одного из главных параметров лирики, предназначение которой состоит в художественном воссоздании движений человеческой души, процессов внутренней жизни человека, нюансов его ощущений и настроений, стихийности его психологического бытия, тесно связанного со всеми теми формами существования человека, которые и составляют целостность и многообразие проявлений человеческой личности.

Примечания

- 1 См.: Васильев Л. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Вып. 5. Ментальные предикаты. Модальные предикаты. Предикаты восприятия. Уфа, 2003; Апресян Ю. Видеть 1.1, замечать 1.1, выдавать 1, лицезреть, зреть // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2 изд., испр. и доп. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., Вена, 2004. С. 92–97; Арутюнова Н. «ПОЛАГАТЬ» и «ВИДЕТЬ» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 7–30; Моисеева С. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород, 2005; Падучева Е. Глаголы восприятия: опыт выявления структуры тематического класса // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. СПб., 2003. С. 75–100; Моисеева С. Глаголы восприятия в западно-романских языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2006 и др.
- 2 См.: Падучева Е. Глаголы восприятия: опыт выявления структуры тематического класса. С. 78.
- 3 Там же. С. 79–80.
- 4 См.: Козюра Т. Возвратность в семантико-функциональном поле залоговости: на материале предложе-

- ний с глаголами зрительного восприятия в русском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007; Крюкова Л. Ситуация восприятия и способы ее репрезентации в поэтическом тексте (на материале поэзии Серебряного века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003; Кравченко А. Глагольный вид и картина мира // Изв. АН. Сер. литературы и языка. 1995. Т. 54. № 1. С. 49–64; Кравченко А. Загадка рефлексива: избыточность или функциональность? // Филол. науки. 1995. № 4. С. 92–105; Ломоносова А. Семантико-синтаксическая организация высказываний со значением восприятия и их функционирование в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004; Пупынин Ю. Субъектность и актуализационные категории предиката // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. М., 1992. С. 141–154 и др.
- 5 См., например: Кириллова В., Примова М. Структурно-семантические особенности предложений, репрезентирующих ситуации слухового и зрительного восприятия // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988. С. 116–125; Кривоzubова Г. Ситуация зрительной деятельности // Восприятие: лингвистический и психолингвистический аспекты: сб. науч. тр. Омск, 2005. С. 3–15; Лебедева А. Глаголы касания в номинативном аспекте русского предложения // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2009. № 2. С. 73–75; Молчанова Л. Функционирование лексико-семантических единиц зрительного восприятия в немецкой прозе 2-й половины XVIII века // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. С. 157–169 и др.
  - 6 Падучева Е. Наблюдатель как Эксперимент «за кадром» // Слово в тексте и в словаре: сб. ст. к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 185–201.
  - 7 См.: Падучева Е. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. С. 204.
  - 8 Там же. С. 205.
  - 9 Там же. С. 205–208.
  - 10 Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005. С. 279.
  - 11 Там же.
  - 12 Примеры из поэтических текстов мы приводим по материалам Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.02.2012).
  - 13 См.: Кравченко А. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия АН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 3. С. 49.
  - 14 Этот вывод касается, главным образом, глаголов зрительного и слухового восприятия. Глаголы обоняния и осязания называют процессы, не отличающиеся такой соотносительностью, что проявляется, в частности, в том, что глаголы *нюхать* и *обонять*, *щупать* и *осязать* не образуют синтаксических пар (типа *смотреть* и *видеть*, *видеть* и *слышать*) и даже не встречаются в одном контексте, в котором они могли бы выступить в качестве средства обозначения смежных процессов.